

Глава 10

С молчаливого согласия Старого господина Мо Шу и Мо Янь вышли на середину зала.

Четверых слуг, приставленных к Дунхэ Юю, звали Чуньшуй, Сяюй, Цюфэн и Дунъи. Тот самый «круговорот времён года», о котором упоминал Дунхэ Си.

Имена эти он узнал случайно: пока юноша в саду разбирался с кузеном, его духовное восприятие, невольно разошедшееся вокруг, уловило обрывки чужих разговоров. Впрочем, Си знал лишь имена — соотнести их с конкретными лицами он пока не мог.

Когда четверых слуг ввели в зал, трое из них оказались заметно побиты.

Дунхэ Си лишь вскинул бровь, ничуть не удивившись. В самом начале потасовки, когда один из слуг Юя припустил за подмогой, Мо Шу и Мо Янь без лишних слов перехватили остальных. Один щеголял синяками, оставленными Мо Шу, двое других пострадали от рук Мо Яня.

Си не знал, как обстоят дела в других дворах, но его собственные люди казались ему вполне надежными. Пусть они не были мастерами боевых искусств и в серьезной схватке могли стать обузой, но то, что в нужный момент они не спасовали и дали отпор, уже заслуживало похвалы.

Юноша и не рассчитывал, что они станут его телохранителями. Но на фоне людей Юя его ребята выглядели куда достойнее. По крайней мере, на открытых участках кожи Мо Шу и Мо Яня Си не заметил ни царапины — а что там под одеждой, дело десятое.

Чуньшуй и его товарищи, оказавшись в зале под прицелом взглядов всех господ, окончательно пали духом. А когда на них обрушился ледяной, полный гнева взор Дунхэ Фэна, бедняги и вовсе задрожали, словно листья на ветру.

Старый господин бросил на старшего сына короткий взгляд и, негласно вздохнув, тяжело уронил:

— Вы пятеро. Кто из вас первым расскажет, что произошло этим утром?

Четверка Юя выглядела жалко: лица бледные, спины согнуты в раболепном поклоне. А чувствуя на себе пристальный взгляд хозяина, они и вовсе едва ли не лбом в пол уперлись. Будь их воля, они бы в тот же миг испарились из зала, лишь бы не открывать рта.

Как личные слуги Третьего молодого господина, они и так до смерти боялись наказания от Старшей госпожи за то, что не уберегли хозяина. А теперь им предлагалось в присутствии господина Фэна и госпожи Цю Вань во всеуслышание подтвердить все прегрешения Дунхэ Юя. На такое безумство они не отважились бы и под страхом смерти.

В зале воцарилась гнетущая тишина.

Старый господин оставался внешне бесстрастным. Не желая понапрасну давить на перепуганных слуг, он перевел взгляд:

— Мо Шу, Мо Янь, говорите вы.

Мо Шу, которого ничуть не смущало присутствие Цю Вань, выступил вперед. Он начал рассказ, и его версия событий в саду оказалась куда подробнее той, что он изложил хозяину в полдень.

— Утро выдалось ясным, в пруду как раз начали завязываться бутоны лотоса, — начал юноша, и на его симпатичном лице проступила искренняя печаль. — В последнее время Маленький господин совсем иссох от тоски по Третьему молодому мастеру. Зная, как он любит лотосы, я уговорил его выйти в сад, подышать свежим воздухом да развеять тяжкие думы.

Голос слуги дрогнул.

— Мы мирно сидели в беседке, когда подошел Третий молодой господин в сопровождении своих людей.

Мо Шу не посмел бы дерзко глазеть на Дунхэ Юя, но одарить гневным взглядом Чуньшуя и остальных ему ничто не мешало.

— Беседка общая, и мы не возражали против компании Третьего молодого господина. Маленький господин даже велел мне налить ему чаю и предложить сладостей. Но тот не только не принял доброты, но и заявил, что у нашего Си-гэ'эра вечно такой похоронный вид, будто у него родители померли. А потом, словно спохватившись, с издевкой добавил, что они ведь и впрямь померли. И ведь извинился тут же, да так фальшиво, с улыбочкой... Ему было плевать, какую боль он причиняет! А после, как ни в чем не бывало, вытащил заколку из белого нефрита и принялся хвастаться.

В зале повисло тяжелое молчание. Старая госпожа, вспомнив о безвременно ушедшем младшем сыне и его муже, не выдержала: её глаза покраснели, и она прижала платок к лицу.

Лицо Старого господина утратило всякую мягкость, в его взгляде застыла глубокая скорбь.

Дунхэ Фэн и Цю Вань помрачнели, а Дунхэ Юань, нахмурившись, бросил короткий взгляд на бесчувственного брата. Ван Хунло и остальные смотрели на Си с неприкрытым состраданием.

Теперь никому и в голову не пришло бы винить Си за то, как он обошелся с Юем. Будь они на его месте, последствия могли быть куда страшнее.

Память о покойных священна даже для чужаков, что уж говорить о родной крови? Дунхэ Юй глумился над старшими родственниками, своей прямой родней. Посыпать солью незажившую рану в сердце брата — это за гранью любого прощения. Если Си и сорвался на нем, то Юй сам приложил к этому все усилия.

Улыбка исчезла с лица Дунхэ Си. Его взгляд стал ледяным, а когда он посмотрел на скособочившегося в кресле Юя, губы его искривились в горькой, жесткой усмешке. Похоже, он и впрямь был слишком милосерден.

Днем Мо Шу рассказал ему лишь о самой стычке, умолчав о тех ядовитых словах, что ей предшествовали. Юноша понимал: слуга просто хотел уберечь его от лишней боли. И то, что он выложил всё сейчас, было точным расчетом — нанести сокрушительный удар по репутации Юя в глазах стариков.

Преданный малый, ничего не скажешь.

Слуга продолжал, и голос его всё больше наполнялся горечью:

— Третий молодой господин вертел этой заколкой и без конца твердил, что её подарил ему молодой господин Лу. Хвастался, как они проводили время вместе в эти дни. А потом начал насмехаться: мол, толку-то от красоты Си-гэ'эра, если от него все отворачиваются? Сказал... сказал, что раз у Си-гэ'эра больше нет родителей, то и любить его некому. Что молодой господин Лу, верно, потому и посчитал его предвестником бед. А в конце и вовсе со смехом спросил, не является ли наш Маленький господин проклятием для всей семьи.

К концу этой тирады Мо Шу уже едва сдерживал рыдания.

— Старый господин, Старая госпожа! Разве наш Маленький господин — проклятие? С самого его рождения дела поместья Дунхэ шли только в гору, а Чжэнцзюнь управлял домом так, что комар носа не подточил бы! А Третий молодой мастер? Он ведь талантлив и в науках, и в ратном деле! Всего за год в армии выслужил чин тысячника! Всё, что случилось — вина лихих разбойников да свирепых кочевников Ди! Как можно винить в этом ребенка, потерявшего всё?!

Голос юноши, полный боли и праведного гнева, бил наотмашь по сердцам присутствующих. И сердце Дунхэ Си не стало исключением.

Утерев слезы, он закончил:

— Юноша тогда лишь покраснел и ответил, что эта заколка ему даром не нужна. И он не лгал! Ведь молодой господин Лу сперва предлагал её нашему Си-гэ'эру, но тот наотрез отказался! Эти слова привели Третьего молодого господина в ярость. Когда мой хозяин повернулся к нему спиной, чтобы выйти из беседки, тот изо всей силы толкнул его. Си-гэ'эр ударился головой о каменную ступень и упал в пруд. Но самое страшное было потом: Третий молодой господин прогнал всех слуг, кто видел это и хотел броситься на помощь! Если бы Мо Янь не добежал до

двора Старшего молодого мастера и не нашел там умеющих плавать ребят, Си-гэ'эр бы просто утонул!

Слушая Мо Шу, Дунхэ Си осознал, насколько сильно тот смягчил краски в их дневном разговоре. Тогда это была лишь краткая выжимка, лишенная самых острых углов.

Весь зал замер в шоке.

Никто не ожидал услышать о такой запредельной жестокости. Одно дело — ссора братьев, закончившаяся падением в воду. Совсем другое — ядовитые оскорбления и преднамеренное оставление в опасности.

Прогнать тех, кто мог спасти тонущего — это было уже за гранью человечности. Они ведь росли вместе под одной крышей, были одной крови. При жизни Третьего брата и его супруга к Юю всегда относились с лаской.

Даже если Си умел плавать, он упал, ударившись головой! Любой нормальный человек в такой ситуации позвал бы на помощь, а не стал бы злонамеренно очищать сад от свидетелей.

Ван Хунло и её окружение почувствовали, как по спинам пробежал холодок. Теперь они смотрели на Дунхэ Юя с явной опаской. Да и к Цю Вань их отношение неуловимо изменилось. Какую же змею нужно пригреть на груди, чтобы вырастить такое дитя?

На этом фоне бахвальство заколкой от постороннего мужчины, которое само по себе было верхом неприличия, казалось сущей безделицей. Династия Тяньу была терпима к молодежи, и если юноши или гэ'эры не переходили границ дозволенного, на их общение смотрели сквозь пальцы. Ну, похвастался подарком — пожурили бы да посмеялись. Но те злобные слова и поступки, что проявил Дунхэ Юй...

Старый господин, чей голос теперь звучал глухо и тяжело, прервал затянувшееся молчание:

— Вам пятерым есть что добавить? Хоть в одном слове Мо Шу солгал?

Мо Янь с покрасневшими глазами лишь безмолвно покачал головой. Каждое слово друга было чистой правдой.

Четверка Юя при каждом слове Мо Шу втягивала головы в плечи всё сильнее. Теперь они, казалось, готовы были провалиться сквозь землю от ужаса. А когда заговорил глава клана, они и вовсе едва не рухнули ниц.

Их сковывал парализующий страх — особенно под тяжелым взглядом Дунхэ Фэна, который, казалось, готов был испепелить их на месте.

Старый господин перевел взор на Цю Вань, а затем вновь на четверку слуг:

— Что вы скажете? Если будете молчать, я сочту, что каждое слово Мо Шу — истина, и в его речи нет ни капли вымысла.

На лице Дунхэ Фэна не осталось и следа бывшего благодушия. Его глаза, холодные и темные, впились в юношу.

Сердце слуги на миг пропустило удар от этого взгляда, но, вспомнив о своем хозяине, он набрался смелости и расправил плечи.

Ему нечего было бояться.

<http://bllate.org/book/15311/1354340>